

ТОЧКА,
ТОЧКА,
ЗАПЯ-
ТА...

N 5

Рисунок Яши Зарембо

Историческая

речь

Марика – КОШМАРИКА, принца Марципанского

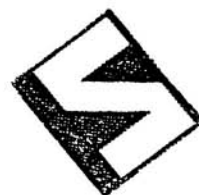
Не слушаться папу, не слушаться маму,
Надвинуть на самые брови панаму,
Отправиться в гости к морскому ежу –
Хорошая жизнь, вот что я вам скажу!
Пришпорить морского конька удалого –
Вот это занятие, честное слово!
Скакать по газонам в подводном саду,
Молоть чепуху и болтать ерунду!
Пусть носятся следом морские собачки,
Мы с ними устроим подводные скачки,
Потом поиграем с ежом в чехарду ...
Я дома скажу – уберите еду!
Не думайте, что в животе моём пусто –
Ёж дал мне на ужин морскую капусту.
И это ни чем, уж поверьте, не хуже,
Чем ваша земная капуста на ужин!

П

Не слушаться маму, не слушаться папу,
Сосать, как медведь, свою заднюю лапу,
Сказать маме с папой: "Не стану скрывать –
Меня не загоните в эту кровать.
Меня не затащите вечером в ванну –
Я буду спать стоя, как слон из саванны.
Я спать на подушке совсем не привык,
И должен об этом сказать напрямик.
Я, может, к пингвинам пойду в холодильник,
Чтоб спать не мешал мне противный будильник.
Спать вниз головой, как летучая мышь,
А мама пускай мне споёт: "Спи, малыш!".
Нет, лучше, пожалуй, всю ночь напролет
Гулять по карнизам, как уличный кот,
И петь "Спи, малыш!" диким голосом тоже –
На сказочный сон это будет похоже!

История О МАРКЕ- ЗООПАРКЕ

Марик-Кошмарик говорил свое знаменитое "Нет-да!" по сто раз на дню, так что все уже давно забыли, когда это замечательное слово прозвучало в их доме впервые. Больше всего "Нет-да!" раздражало Динку-Блондинку. Стоило ей собраться на прогулку, как мама, папа или бабушка Груня неизменно спрашивали Марика-Кошмарика, не хочет ли он пойти с Диночкой погулять. И, конечно, Марик-Кошмарик вопил: "Нет-да!", что, по мнению мамы, папы и бабушки означало "Да!" на языке Марика-Кошмарика. Ведь "Нет!" на языке Марика-Кошмарика звучало в точности так же, как и на нашем.

Динке-Блондинке хотелось, чтобы "Нет-да!" все-таки тоже значило "Нет!". Она не любила гулять с Мариком-Кошмариком. Во-первых, он полз, как черепаха, во-вторых он топал, как слон, в-третьих, он вымазывался в грязи, как гиппопотам, в-четвертых, он путался в ногах, как осьминог, в-пятых, он ревел, как белуга, в-шестых, он мешал ей думать, в-седьмых, он мешал ей размышлять, в-восьмых, он мешал ей мечтать, в-девятых, он ужасно ей мешал.

Однажды на прогулке она начала придумывать новое стихотворение:

Мне не нужно зоопарка,

Мне хватает братца Марка...

...и Марик-Кошмарик помешал ей придумывать. Это было уже в-десятых. Потому что (в-двенадцатых) он засунул руку в люк (как дурак) и не мог ее оттуда достать. Наконец Динка-Блондинка решила, что терпение ее иссякло. Пора научить Марика-Кошмарика уму-разуму. В четыре года человек должен уже кое-что понимать!

— Марик, ты пойдешь со мной гулять? — Спросила Динка-Блондинка Марика-Кошмарика.

— Нет! — Закричал Марик-Кошмарик. — Да!

— Первое слово дорожке второго! — Быстро сказала Динка-Блондинка и победоносно удалилась. Марик-Кошмарик мог топать, как слон, и реветь, как белуга, но помешать ей думать и раздумывать он уже не мог...

ЗООПАРК Динки-Блондинки КАРОЛИНСКАЯ ЧЕРЕПАХА

Каролинская черепаха
Сотрясалась в болоте от страха:
"Латы есть, где же шлем и копье?
Завтра будет турнир —
Осрамлюсь на весь мир!
Ах, к чему всё героизм моё?!"

а **Ф**ри**КА**НСКИЙ С**Л**ОН

Африканский серый слон
В арифметике силен.
Он считает до пяти.
Дайте мне к нему пройти!
Мне навстречу вышел слон,
Сразу видно — он влюблён.
Выглядит он очень дико —
У него пенсне, гвоздика.
"Дважды два, — сказал он, — пять".
Так и я могу считать!
Он бормочет про себя:
"Что же делать мне, любя?
Я уж вслух читал стихи,
А слониха: "Хи-хи-хи!"
Я уж прыгал, как блоха,
А слониха: "Ха-ха-ха!"
Я уж ездил на сохе,
А слониха: "Хе-хе-хе!"
Может, мне надеть папаху,
Или из ружья бабахать?
Вдруг она моей супругой
Согласится стать с испуга?!
Лучше сделаю поклон,
Чтобы видела: я — слон!
Посчитаю с ней до двух!"
И помчался во весь дух.

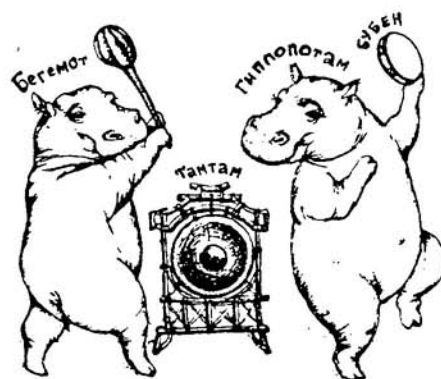

ГДЕ
ЖИВЁТ
ГиппоПО-
ТАМ?

Где живет гиппопотам?
Гиппо — тут, а попо — там,
Попа — там, а тут — живот.
Где гиппопотам живет?

БЕГЕМОТ С ГИПОПОТАМОМ

Сколько грохота и гама!
Сколько гомона и шума!
Бегемот с гиппопотамом
Били в бубны и тамтамы.
Что там Бах, какой там Шуман!
По сравненью с этим гаммы
Были б музыкой небесной...

В **С**И**Н**Е**М** **М**О**Р**Е

В синем море три белуги
Танцевали буги-вуги.
Увидали осьминога,
Захромавшего немного.
— Осьминог, скажи на милость,
Что с тобою приключилось?
— Растянул седьмую ногу,
Не сумел поймать миногу.
Заревели три белуги,
Посинели от натуги
И решили на подмогу
Плыть скорее к осьминогу.
Но потом решили всё же
— Чем ему помочь мы сможем?
Лучше спляшем-ка, подруги,
В синем море, в лунном круге!
Подлечился осьминог,
Выступил в балете,
И никто нигде не мог
Раздобыть билетик.

Позвольте вас приветствовать, товарищи ребята!

Так в далекие-далекие времена моего детства начиналась одна радиопередача (радио тогда уже все-таки изобрели). И мне в те далекие-далекие времена всегда почему-то хотелось сказать: "Нет, не позволю!" И говорила. Хотя на самом деле моего позволения никто не спрашивал. Просто я очень любила говорить: "Нет!" Мой дедушка, который в те далекие-далекие времена уже был моим дедушкой, даже пытался заключить со мной договор. "Если ты будешь отвечать "Нет!" не больше трех раз в день...", — начинал мой дедушка, но что должно тогда произойти, я так никогда и не узнала. "Нет! Нет! Нет! Нет!" — Отвечала я быстро, так и не дослушав до конца. Это было очень глупо с моей стороны, должна вам сказать. Теперь меня мучает любопытство, а мой дедушка наотрез отказывается открыть мне, что он имел в виду в те далекие-далекие времена. "Нет! Нет! Нет! Нет!" — Быстро отвечает он. Надеюсь, мой печальный пример вам поможет, и вы не будете говорить "нет!", когда я предложу рассказать вам историю.

СНОВА история О ЛЕТАЮЩИХ КОРОВАХ

Вы, наверное, помните, как Динке-Блондинке удалось перехитрить Марика-Кошмарика. Как она быстро сказала: "Первое слово дороже второго!" и победоносно удалилась (то есть отправилась гулять в гордом одиночестве). Вы, наверное, думаете, что этим дело и кончилось? Ошибаетесь. Кто-нибудь мог, конечно, поднять дикий рев, поставить на ноги или на уши весь дом. И в другой ситуации этим кем-нибудь вполне мог оказаться Марик-Кошмарик, скрывать не

стану. Но на сей раз Марик-Кошмарик поступил иначе. Постояв минутку в задумчивости перед захлопнувшейся дверью, он подтащил табуретку, залез на нее, открыл замок и бросился на лестницу вслед за Динкой-Блондинкой.

Динка-Блондинка не торопилась. Она была уверена, что впереди у нее чудесная прогулка, и потому, медленно спускаясь по лестнице, она предавалась размышлениям. А размышляла она вот о чем:

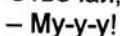
— Почему это, — размышляла Динка-Блондинка, — у нас с Мариком-Кошмариком нет ничего общего? Только мама, папа, бабушка и много маленьких дедушек... да еще, конечно, общее королевство Марципания... А больше ничего. Ни общих вкусов, ни общих привычек... Даже общих черт лица у нас нет... Все говорят — Марик-Кошмарик просто вылитый дедушка Бисмарк, а я как две капли воды похожа на бабушку Груню... Неужели это все из-за того, что Марик-Кошмарик мальчик, а я...

Как раз на этом интересном месте размышления были прерваны топотом четырех небольших слоновьих ног. Всем, наверно, не терпится узнать, откуда у слона взялись еще две ноги? С удовольствием рассею ваше недоумение — для пущей скорости слон встал на четвереньки. Звали этого слона, как вы уже догадались, Марик-Кошмарик.

— Стой! — Закричал Марик-Кошмарик. — Первое слово съела корова!

Динка-Блондинка даже и представить себе не могла, что на этот раз Марик ничего не сочинил...

решил, что папино предложение ему, в общем-то, подходит.

— Ты что, дразнишься? — Рассердился папа.

— Марик хотел было сказать "Нет!", но вовремя спохватился, вспомнил о зоопарке и сказал "Да!"

— Марк, — металлическим голосом произнес папа Марика-Кошмарика, — марш в свою комнату, а не то я из тебя форшмак сделаю.

И надутый Марик-Кошмарик поплелся в свою комнату. Вообще-то он любил форшмак, когда его (из селедки) готовила мама. Но в папиных кулинарных способностях он был не слишком уверен. К тому же он подозревал, что даже папина удача ему, Марику-Кошмару лично, не доставит ни малейшего удовольствия.

Сидение в комнате ему тоже не доставило ни малейшего удовольствия. Бабушка Груня задремала на тахте. Надутая Динка-Блондинка уселась читать "Таинственный остров" и "Робинзона Крузо" одновременно. В комнате стояла звенящая тишина. Марик-Кошмарик знал, что это означает. Где-то в комнате притаилась 3-3-зверская из-3-зуверская 3-3-загадочная 3-3-зюзя.

— 3-3-зоопарк, 3-3-зоопарк, 3-3-зоопарк, — звенело в ушах. Где-то в комнате летал Марик-Комарик.

— Динка, — сказал Марик-Кошмарик, — тебе ведь не надо зоопарка, у тебя же есть я, правда?

— Угу, — сказала Динка-Блондинка и снова уткнулась в книжки. Вряд ли она их читала, наверное, опять сочиняла какие-нибудь вирши.

— А я пойду в зоопарк, — сказал Марик-Кошмарик, но никто ему на это даже "угу" не ответил, только в ушах зазвенело:

— 3-3-здорово, 3-3-здорово, 3-3-здорово!

— В зоопарке мне больше всего понравился жираф, — заявил Марик-Кошмарик за ужином.

Папа уже успел забыть о сегодняшней ссоре и новой партии. Он чувствовал себя по-королевски. Мама вернулась с курсов и приготовила папин любимый форшмак (из селедки).

— В зоопарке мне больше всего понравился жираф, — снова повторил Марик-Кошмарик, — он все время смотрел на мои новые ботинки!

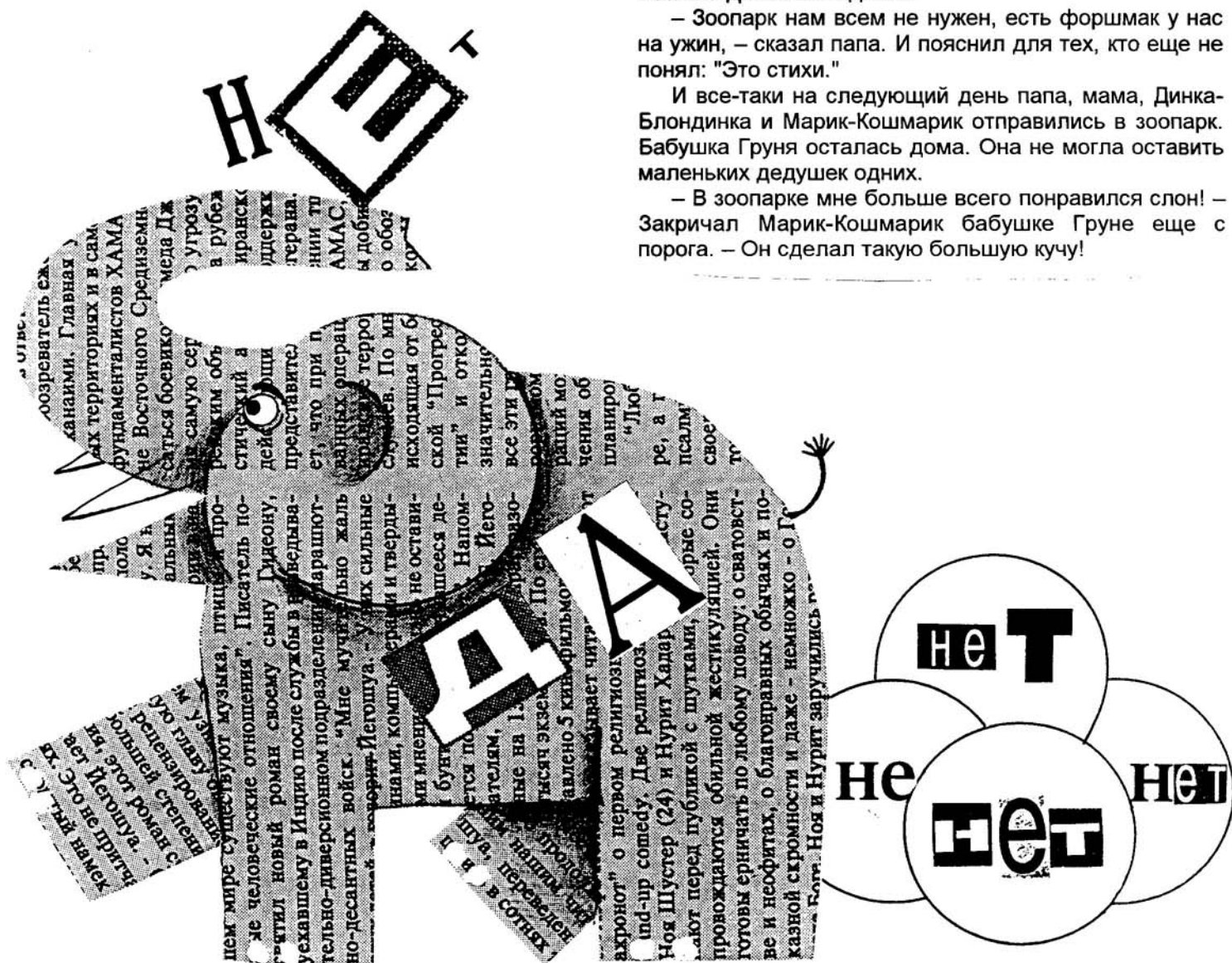
— Марик, — сказала мама, — но у тебя же нет новых ботинок...

— Тяжело тебе, Маричек, придется в жизни, — сказала Динка-Блондинка.

— Зоопарк нам всем не нужен, есть форшмак у нас на ужин, — сказал папа. И пояснил для тех, кто еще не понял: "Это стихи."

И все-таки на следующий день папа, мама, Динка-Блондинка и Марик-Кошмарик отправились в зоопарк. Бабушка Груня осталась дома. Она не могла оставить маленьких дедушек одних.

— В зоопарке мне больше всего понравился слон! — Закричал Марик-Кошмарик бабушке Груне еще с порога. — Он сделал такую большую кучу!

И.Зандман

ВИРЛУВЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ

(Продолжение)

Сквернослов и дикое прошлое

– Сквернослов! Сквернослов! – Кричали Барнаба, Просто Пиня и Ян Львович. – Сквернослов! Где ты? Вернись!

– И не Сквернослов он вовсе, – выдавил из себя Вирлуве, размазывая слезы по лицу. – Карл Максыч он, его Карлушей мамочка называла.

И Вирлуве снова заплакал.

– С ним лаской надо было, лаской, а я... Вот и улетел. Такой умный был, воспитанный, в эту, как ее, в крапинку. Красавчик! Карлуша, красавчик. Вот и улетел.

– Карл Максыч! Карл Максыч! – Кричали Барнаба, Просто Пиня и Ян Львович. – Карл Максыч! Где вы? Вернитесь!

– Нашел! – Вдруг пискнул Ян Львович. – Я нашел, смотрите!

– Где? – Завопил Вирлуве и бросился к Яну Львовичу, отталкивая остальных. – Где скворушка мой?

– Какой скворушка? – Удивился Ян Львович. – Где?

– Да как где? – Насупился Вирлуве. – Вы же сами, Ян Львович, закричали.

– Я зеркальце нашел, – охотно объяснил Ян Львович. – Видите, осколочек сверкает.

Вирлуве только горестно взмахнул хвостом и пошел плакать дальше.

– Балда вы, Ян Львович, – сурово сказал Барнаба. – Только про тайные общества и знаете. Вам бы только в песочек играть.

Просто Пиня постучал себя по лбу.

– Карл Максыч! Карл Максыч! – Кричали Барнаба и Просто Пиня. – Карл Максыч! Где вы? Вернитесь!

– Балда! – Недоуменно произнес Ян Львович, пожал плечами и принялся разглядывать свой клюв в зеркальце. От волнения ему не удавалось удержать зеркальце как следует, и оно трепыхалось в крыльях, как живое. Должно быть поэтому вместо собственной милой желтой головки он увидел знакомую черно-коричневую фигуру.

– Нашел! – Пискнул Ян Львович. – Нашел! Глядите!.

– Ну что там? – Неохотно спросил Барнаба. – Что вы еще нашли, может, трельяж? Вирлуве плакал.

– Да скворушку вашего! – Запищал Ян Львович. – Карла Максевича. Вот он, внизу, видите? – И он протянул Барнабе зеркальце.

– Ну и рожа, – сказал Барнаба задумчиво. – В моем цилиндре. А где Карл Максич?

– Там, там, в зеркальце! – Заторопился Ян Львович. Как вдруг большая капля ударила его по макушке.

– Ой, дождик, кажется, – неуверенно пробормотал Ян Львович и поглядел на небо в поисках тучи.

Наверху, среди листвы, сидел, закрыв голову крыльями, Сквернослов и вздрагивал от рыданий. Ян Львович дернул Барнабу за штанину и указал вверх. Барнаба дернул за ухо Вирлуве и указал вверх. Вирлуве двинул на радостях Барнабу в бок, боднул Просто Пиню и дал пинка Яну Львовичу, после чего сплясал трепака, в мгновение ока взлетел на дерево и спустился с дрожащим Сквернословом в руках.

– Я, я др-ружить с ними собир-рался, – жаловался Сквернослов. – Я им здравствуйте сказал. Я не виноват, что они не говор-рящие. Сквор-рцы называются. Дур-раки необр-разованные. Обидели. Оскор-рбили. Дикар-ри. Вар-вар-ры. Динозавр-ры. Дикое пр-рошное.

Тайна леса и старая туфля

– Господа, глядите! – Запрыгал Ян Львович. – Глядите, господа, я снова нашел! Туфельку!

Барнаба, Просто Пиня и Вирлуве, крепко прижимавший к себе Сквернослова, столпились вокруг странного предмета невероятных размеров с красным приплюснутым помпоном.

– Возможно, – кивнул Барнаба, – возможно до того как по этой...mmm...вещи прошел полк солдат и проехала телега, груженная кирпичом, возможно сие было...mmm... мягко говоря, туфелькой. Но не наверняка.

– Да туфелька же, поверьте, господа! – С обидой пискнул Ян Львович. – Я такие в магазине видел. Хорошенькие, с красными помпончиками.

– Поверим эксперту, – пожал плечами Барнаба. – Эксперту видней.

– Помпончики! – хихикнул Вирлуве и поддел предмет ногой.

– Сик транзит gloria мунди, – важно произнес Просто Пиня.

– Чего? – С подозрением переспросил Вирлуве.

– Не знаю, – честно признался Просто Пиня. – Так моя бабушка говорит, когда кофе пьет.

– Так проходит слава мира, – пояснил Барнаба и небрежно поправил цилиндр. – Ну или что-то там в этом роде. По-древнекитайски. Или по-японски. Хотелось бы знать, откуда здесь эта туфелька?

– Ее Золушка потеряла, – с готовностью выступил Ян Львович. – Золушка бежала с бала, бежала, торопилась и...само собой разумеется, потеряла.

– Да, – фыркнул Вирлуве. – Прелестная Золушка из семейства грациозных слоних!

– Или бегемотих! – Поддакнул Просто Пиня и громко расхохотался.

– Возможно, – задумался Барнаба, – возможно, конечно, и Золушка. Или другая какая-нибудь принцесса. Зря смеешься, Вирлуве, это по твоей части! Может, принцессочку заколдовали, и она...ммм...немножко располнела, или это туфелька великанской дочурки. На твоём месте, Вирлуве, я бы прижал эту туфельку к сердцу и отправился на поиски прекрасной дамы. Примерял бы ее всем красавицам, которых мы встретим на дороге.

– Еще неизвестно, – насупился Ян Львович, – дал бы я ему эту туфельку или не дал. Может, она мне самому нужна.

Вирлуве давился от смеха.

– Но скорее всего, – невозмутимо продолжал Барнаба, – эта обувь, назовем ее так, принадлежала тете снежного человека, случайно забредшей в наши леса. И следовательно, эта обувь имеет неоспоримую научную ценность. Любой доисторический музей был бы рад заполучить ее. Только лес не открывает своих тайн. И мы никогда, никогда не узнаем, чья изящная ножка притаптывала, надевая сей башмачок. Тайны леса – вот что восхищает меня!

– Ах, да отстаньте вы от меня с вашими тайнами! – Всхлипнул Ян Львович.

Малиновый запах и крапивный укус

– А еще бабушка поила меня чаем с малиновым вареньем, – вдохновенно рассказывал Просто Пиня Яну Львовичу, семенившему рядом, – она запихивала меня в кровать, обкладывала подушками, подтыкала одеяло, и я сидел, как барон, и пил чай с малиновым вареньем.

Ян Львович присвистнул восторженно.

– Как баран ты сидел, ясно? – Буркнул Вирлуве. – Всю душу разбередил своим малиновым вареньем. Я уже даже запах чувствую.

– Галлюцинации, – ласково пояснил Барнаба. – Обман чувств.

– Я тоже хочу галлюцинации, – заявил Ян Львович и принялся. – Малинкой пахнет.

– И мне пахнет! – Шмыгнул носом Просто Пиня и на радостях обнялся с Яном Львовичем.

– Бывает, – кивнул Барнаба. – Называется – массовая галлюцинация. – И Барнаба потянул носом. – Однако, – добавил он после раздумья, можно предположить, что перед нами малинник.

Малинник был перед ними. Там под резными зелеными листьями, совсем

серебряными с изнанки, прятались, несомненно прятались, просто не могли не прятаться душистые яркие ягоды.

– О ты. – Поднял руку Барнаба! – О ты, остров благоухания! Отрада путников! Награда для усталых сердец! Одежи нас своими дивными плодами! Утоли нашу жажду сочными рубинами ветвей твоих...

– Одари нас рубинчиками! – Завопил Вирлуве, кинулся в гущу малинника, но вдруг взвизгнул и отскочил назад.

– Ой! – Выдохнул Вирлуве, потирая покрасневшую коленку, – ой, там кто-то кусается!

Стратег и тактик

– Ну я ей покажу! Я, Барнаба, этой твоей крапиве все бока пообломаю, я ей голову снесу. И никакая она не полезная – у меня пожар от нее в коленке. Я ее растопчу, заколочу, я на нее ногами застучу! – Буйствовал Вирлуве. – Я ей войну объявляю, вот! Эй! – Закричал Вирлуве. – Кто не трус! Тай-тай-налетай, кто в войнушку играй! Кто в войнушку идет – собирайся народ!

– Я, я! – Подпрыгнул Просто Пиня. – Я генералом буду!

– А я – маршалом! – Пискнул Ян Львович. – Я, господа, такой храбрый, такой...

– Лишен я этой кровожадности, – меланхолично пробормотал Барнаба и отошел в сторонку. – Нет во мне этого воинственного духа...

Все только пренебрежительно засмеялись.

– Ты, Барнаба, не рыцарь, – важно заявил Вирлуве. – Ты Барнаба – бард, что с тебя возьмешь! Может, оду мне напишешь, когда я побегу.

– Когда ты победишь, – хмыкнул Барнаба. – Когда победишь, может, и напишу. И кстати. Советую вам не забыть о стратегии и тактике.

Просто Пиня, Вирлуве и Ян Львович недоумевающе переглянулись

– Конечно, конечно, – закивал Вирлуве, – конечно, Барнаба, мы не забудем. А ты что можешь знать о таких замечательно важных вещах?

– Я? – Вздохнул Барнаба. – Да ничего.

Вирлуве облегченно вздохнул.

– Ну вот видишь, а поучаешь. Все бы тебе, Барнаба, поучать. Небось, чепуха какая-нибудь эти твои стратегия и тактика.

– Да нет, – помотал головой Барнаба так, что цилиндр сполз на нос. – Не сказал бы. Стратегия – это вроде плана боя, а тактика – в бою всякие изменения. Ну там, спасайся, кто может, или – в кусты, кто не трус! А, может, и наоборот.

– Вот видишь, Барнаба, – сказал Вирлуве, стараясь придать голосу побольше солидности, – и ты кое-что знаешь. Это же я так, нарочно тебя проверяю. Стратегом, конечно, буду я. А тактиком, к примеру, хоть Ян Львович.

– Не-е, – затряс головой Ян Львович. – Я не хочу, господа. Я командовать буду.

– Тогда, – Вирлуве взглянул на Просто Пиню, – вы, генерал!

– Мне что, – поинтересовался Просто Пиня, – “бежим” кричать?

Вирлуве неопределенно кивнул.

Лавры полководца и тайный враг

Храброе войско приближалось к месту сражения. Вооруженные до зубов палками и шишками, они предвкушали славный бой и желанную победу.

– Вперед! – Закричал Вирлуве, на мгновение застыл перед зарослями малины и метнулся вправо.

– Назад! – Закричал Просто Пиня, на мгновение застыл перед зарослями малины и метнулся влево.

Ян Львович, семенивший следом, на мгновение застыл перед зарослями малины, пискнул, запустил в кусты палку и шишки и с криком “Ура!” пулей бросился назад.

– Приветствую тебя, отважный воин! – Помахал цилиндром Барнаба. – Враг смят и побежден.

Ян Львович смущенно потупился.

– А где, – спросил он после недолгого молчания, – остальные?

Барнаба пренебрежительно дернул плечом.

Остальные появились вскоре. Они встретились в самом центре лужайки и, набычившись, уставились друг на друга.

– Ты, стратег несчастный! – Начал Вирлуве.

– Это ты стратег! – Фыркнул Просто Пиня. – Ты стратег несчастный!

– Чертов тактик! – Продолжал Вирлуве.

– Сам чертов! – Буркнул Просто Пиня.

– Кто “назад!” кричал? – Ершился Вирлуве.

– А кто побежал? – Петушился Просто Пиня.

– Я в обход, а ты, ты!..

– Это я в обход, а вот ты!..

– Друзья мои, – торжественно заявил Барнаба, – довольно споров, для малины еще не время, а вы, вы все вели себя героически! Но вот перед вами истинный полководец, последним покинувший поле боя.

И Барнаба указал на Яна Львовича, скромно стоявшего в сторонке. Вирлуве и Просто Пиня замаялись, и Барнаба повторил:

– Вот он, истинный герой и полководец, ждет, когда мы увенчаем его лаврами победителя. Вирлуве, кажется, в твоём мешке был лавровый лист?

Вирлуве послушно развязал мешок и уже собирался заглянуть в него в поисках лавра, как вдруг небольшое серовато-бурое существо, пискнув, выскочило из мешка и исчезло в мгновение ока.

– Мышь! – Отчаянно заверещал Ян Львович и задрожал всем телом. – Ой, боюсь! Мышь!

– Полевки испугаться! – Усмехнулся Вирлуве. – Надо же, девчонка!

– Девчонка! – Хихикнул Просто Пиня.

Ян Львович заплакал.

– Девчонка! – Мрачно воскликнул Вирлуве. – Я давно это подозревал. Враг среди нас.

Ян Львович или Яна Львовна

– Я давно это подозревал! – Воскликнул Вирлуве, мрачный, как туча. – Когда же она завопила “Ой, боюсь!”, все стало ясно. Моя тетя тоже так... гм... говорила. Моя тетя – современная женщина, а современная женщина и девчонка – одно и то же.

– Не может быть! – Недоверчиво прошептал Просто Пиня.

– Кому ты это говоришь? – Возмутился Вирлуве. – Я на девчонках собаку съел! Моя тетя – девчонка. То есть... тьфу... современная женщина. Ну, это одно и то же. А где одна современная женщина, там тьма современных женщин.

– Возможно, – вмешался Барнаба, – вы ошибаетесь, друзья мои. Вспомните, как молодецки вел себя Ян Львович в баталии! Какая геройская победа одержана им! Вполне возможно, испуг объясняется просто усталостью... Ведь и brave вояка может испытать страх, вы же сами знаете, не правда ли?

– Мыши испугаться! Мы-ши! – С презрением выпалил Вирлуве. – И вообще, Барнаба, что ты болтаешь? Какая геройская победа? Просто полное незнание стратегии и тактики. Ни вперед, не назад, застыть на месте как кролик перед удавом, и все оружие в кусты... цветочки нюхает! Испортила все наши военные планы. Типичная женская логика, вот что я вам скажу.

– А тайное общество кто придумал? – Робко вступился Просто Пиня.

– Конечно я! – Не задумываясь, заявил Вирлуве. – Кому еще здесь могла прийти в голову такая ценная мысль. Долой девчонок! А этот, а эта... втерлась в доверие, тайно проникла в наши планы. Яна Львовна!

– Может, не Яна Львовна? – Предположил Просто Пиня. – И Сквернослова Ян Львович нашел.

– Что ж, по-твоему, Яно Львовно, да? – Съехидничал Вирлуве. – Пусть Яно Львовно, но уж на Яна Львовича я никак не согласен. Сквернослов сам нашелся бы, и без этого, ну сам знаешь. Поревел бы и утешился. Вечно эти женщины во все вмешиваются! Мужчина не стал бы всякие зеркальца находить.

(Окончание следует)

Рис. Н.Зингера

САША ЩЕРБА

Маленькое путешествие, или Кукла Вера

(Продолжение)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ БОТИНКА

Свет погас в окошках, и дома молчат...

Только псы и кошки в этот час не спят.

Сны приходят сами, их не нужно звать, –

Подружись со снами, и давай летать.

День уже кончается, день восьмой весны, –

Человек рождается, чтобы видеть сны.

Завтра утром встанешь, и на беды дней

По-другому взглянешь, став на ночь взрослей.

Ботинок все пел и пел ей колыбельные, чтобы Кукла Вера хоть на некоторое время забылась.

Кукла Вера спала недолго. Прибежали голодные собаки Черный и Рыжий и опять облаяли Ботинок.

– Башмак! – Пролаял Рыжий. – Ты все-таки канючишь? Мы ничего не нашли, сейчас я укушу тебя за бок.

Ботинок очень испугался. Но не за себя, а за Куклу Веру, которой тоже могло достаться от зубов Рыжего.

Но за них вступился Рыжий.

– Он-то в чем виноват? – Спросил он.

– Он канючил! – Ответил Черному Рыжий.

– Я пел... – Сказал Ботинок.

– А что ты пел? – С подозрением спросил Рыжий.

– Колыбельную, – ответил Ботинок.

– А кому ты пел колыбельную? – С подозрением спросил Рыжий.

– Себе, – ответил Ботинок. – Без колыбельной я плохо засыпаю.

Рыжий опять, как в самом начале, обнюхал Ботинок и залаял:

– Какой-то странный ты, ненужный. А, может, ты кожаный? И тебя можно потихонечку жевать?

– Нет, – быстро, так, чтобы до Рыжего скорее дошло, ответил ему Ботинок. – Меня сделали из кожезаменителя, и оттого я так быстро изнашивался.

Рыжий разочарованно пролаял:

– Твое счастье, Башмак! – И добавил:

– А брюхо буквально сводит от голода!

– Побежали, Рыжий! – Закричал на него Черный. – Что ты хочешь от этого несъедобного?

Когда собаки убежали, Кукла Вера высунула из ботинка головку и сказала:

– Я не могу оставаться в мятом платье, с оторванной косичкой и без сандаликов!.. И потом... эти собаки... Они могут меня перегрызть пополам.. У Лены было плохо, но не так, как здесь.

КУКЛА ВЕРА, ВЫСТРЕЛЫ И ПЛАМЯ

– Все верно, – сказал желтый, старый, никому не нужный Ботинок. – Кому нужен желтый, старый, близорукий Ботинок? Да к тому же – попавший на свалку?

Кукла Вера хотела уже возразить ему, сказать что-нибудь ласковое, ободряющее, такое, от чего Ботинку сразу стало бы легче, но прибежал пес Рыжий, и она спряталась.

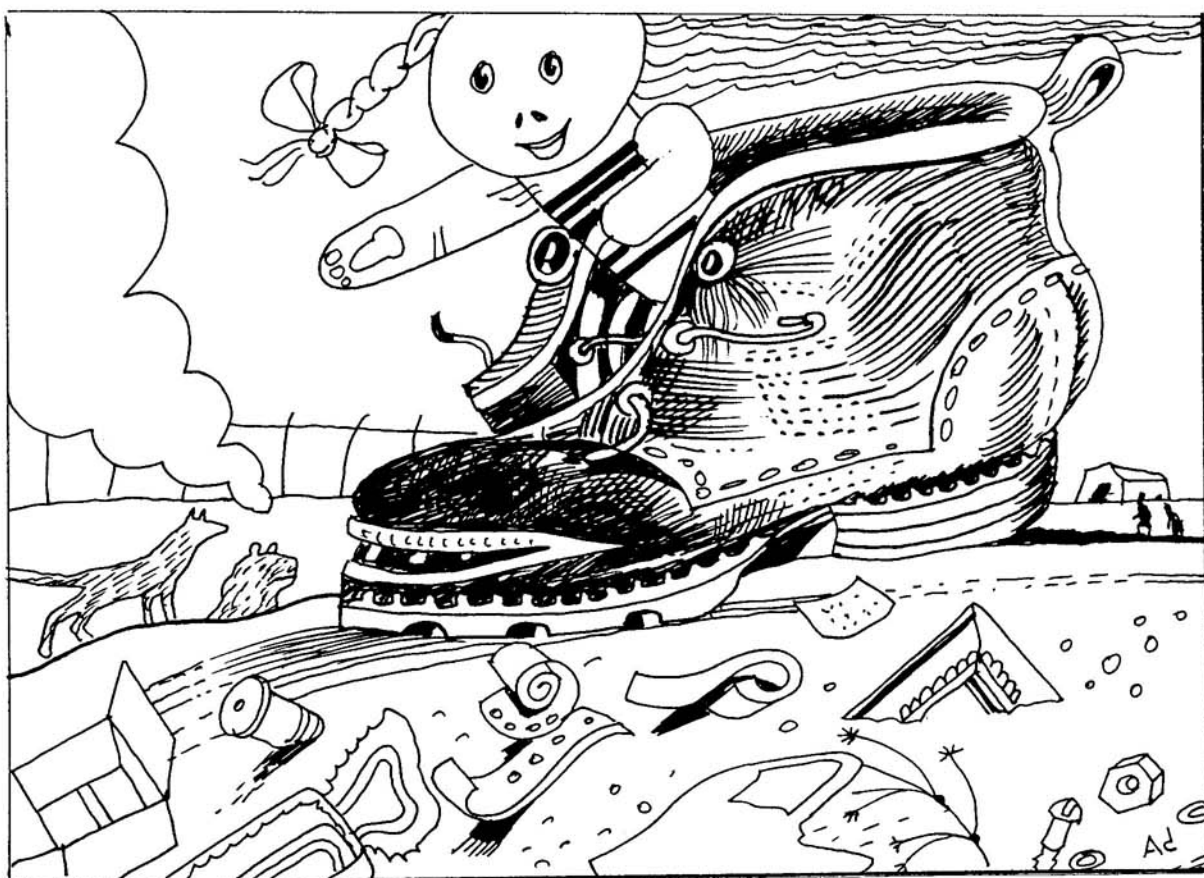
– Уф-ф! – Гавкнул Рыжий. – Снова канючишь? Всею Убежал. Черный бежит хуже. Готовься, Ботинок!.. Это из-за тебя он гонял меня по всей свалке. Это из-за тебя мы сегодня голодные.

– Почему же из-за меня? – Спросил Ботинок.

– Потому что ты занял место в машине! – Ответил рыжий.

– Какое место? – Спросил Ботинок.

– То место, на котором должны были лежать мозговая косточка и колбасная кожура.

Сейчас я перегрызу тебя пополам! – Ответил Ботинку Рыжий, но тотчас же напрягся и поджал хвост. Он услышал, как затормозила машина с будкой, из которой раздавалось гавканье десятка-полтора несчастных собак.

Раздался выстрел, кто-то заскулил, и Рыжий услышал крик Черного.

– Беги, Рыжий! Беги! – Кричал Черный. – Они меня ловят! Беги, Рыжий, Беги!

Рыжий понял. Рыжий стал метаться по свалке и появляться в самых неожиданных ее местах. Но его сгоняли оттуда выстрелами, и он оказался рядом с Ботинком и Куклой Верой.

– Куда? Куда бежать? – Лаял Рыжий.

– Бегите, куда хотите! – Посоветовал ему Ботинок.

– Заткнись, урод! – пролаял Рыжий и сел на зад: бежать было, кажется, некуда.

– А вот и еще один бродяга! – Раздался грубый голос, и появилась удавка. Рука держала эту удавку, и именно эту руку, ненавистную для всего собачьего племени, сильно укусил пес Рыжий, прежде чем дать деру.

– Стреляйте, Виталий Сергеевич! Уйдет! – Умолял грубый голос.

Раздался выстрел, и сразу вслед за ним – второй голос, поглубже и постарше.

– Лови! Лови Рыжего, Санька!

Кукла Вера узнала эти голоса. Страшные, они стали еще страшнее тех пор, как она их слышала: кто-то из этих двоих так зло назвал ее “уродина”.

Голос второго стал злее, отрывистее?

– Саня, брось ты это! Поехали, я поджег мусор. Нечего будет жрать – сами попередохнут.

Ботинок и Кукла Вера увидели, как машина уехала, и Кукла Вера сказала о ней: “Страшная машина”.

– Дым? Откуда дым? – Сказал Ботинок. – Мы горим! – Сказал Ботинок. – Они подожгли свалку.

Куклу Веру охватил страх. Она могла ходить, но на беду у нее как раз сейчас кончился завод, и она заплакала.

– Отчего? Отчего я не умею ходить? – Закричал Ботинок, и ему на мгновение показалось, что он вот-вот и пойдет сам собой.

РЫЖИЙ И КУКЛА ВЕРА

Со всех сторон Куклу Веру и Ботинок уже окружало пламя, и вдруг из дыма высунулась пасть Рыжего, и пес Рыжий сказал:

– Ведь я предупреждал тебя: не канючь!

Ботинок обрадованно закричал:

– Рыжий вернулся!

Рыжий сказал:

– Замолчи, пузатый! Ты видишь ту зеленую полянку, на которой растет мокрая трава, и которая пока не горит? Туда-то я и отнесу тебя.

– Зачем? – Спросил Ботинок.

– Затем, – ответил Рыжий, – чтоб никто не мог сказать, что Рыжий не смог унести в зубах даже старый, потрепанный Ботинок.

– Тогда, – сказал Ботинок, – у неси отсюда ее! – И показал глазами на высунувшуюся из него Куклу Веру.

– Ее? – Спросил Рыжий. – Хорошо, Ботинок, я все понял! – Сказал Рыжий и взял в зубы Куклу Веру, но так осторожно, что даже не прокусил ее платье.

Рыжий побежал с Куклой Верой в зубах прочь от огня, от свалки, от Ботинка...

Кукла Вера немного поплакала, но это длилось до тех пор, пока рыжий не оставил ее одну в детской грибочнице под зонтиком в старой автопокрышке.

КОТ И КУКЛА ВЕРА

– Вы кто? – разбудил Куклу Веру Кот.

– А вы кто? – спросила она, разглядев хорошенько Кота и увидев у него на морде царапину.

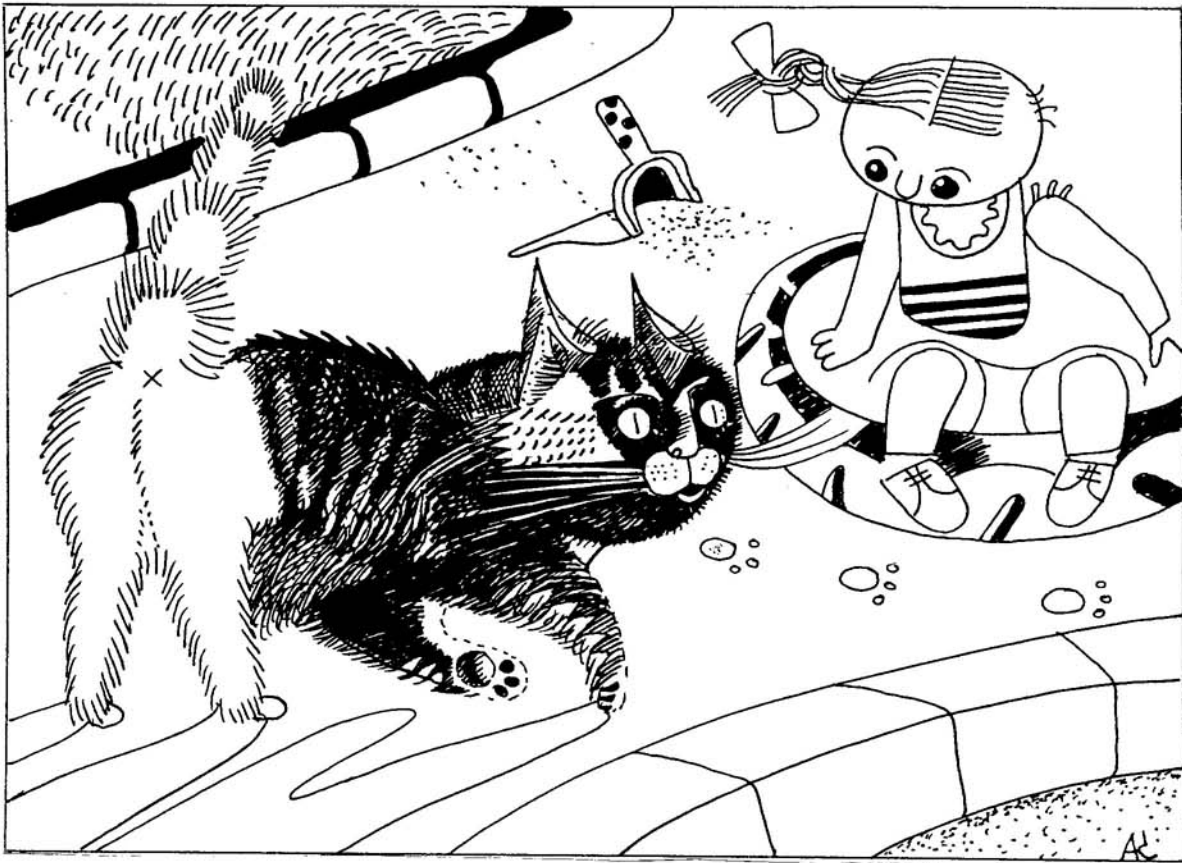
– Не будем притворяться, – промурлыкал Кот. – Я – Кот, – и после паузы сказал:

– А вы – Кукла. А как вы насчет собак? – опять после паузы спросил Кот.

– Я их боюсь, – ответила Кукла Вера.

– Тогда, – промурлыкал Кот, – сидите тихо-тихо, пока не пробегут собаки. Вообще-то, – добавил он, – это скорее моя автопокрышка, чем ваша.

Кукла Вера удивилась:

– Почему?

Кот улыбнулся.

– Потому что она лежит скорее на моем дворе, чем на вашем. А вот вы похожи на человека: у вас есть руки, ноги, глаза, и, наконец, вы разговариваете. И поэтому я отношусь к вам скорее плохо, чем хорошо.

Кукла Вера спросила:

– Почему?

– Дело в том, что я – кот, – ответил Кот. – Коты бывают обыкновенные и необыкновенные, злые и незлые, пушистые и непушистые, сытые и несытые, домашние, – и тут Кот вздохнул, – и бездомные.

Кукла Вера спросила:

– Вы, наверное, Самый Необыкновенный Пушистый Кот? – И улыбнулась уголком рта. Ей хотелось понравиться Коту.

Кот замурлыкал, потом промяукал:

– Вы знаете, коты говорят скорее “нет”, чем “да”, но для вас я сделаю исключение и скажу скорее “да”. Но это скорее неважно, важно то, почему вы оказались в моей автопокрышке, почему вы здесь одна и почему я с вами разговариваю.

Кукла Вера подумала и ответила:

– Потому что вы, наверное, ужасно добрый и любопытный Кот.

Кот улыбнулся и сказал:

– Вы знаете, я скорее больше любопытный Кот, чем добрый. И мне из-за моего любопытства скорее больше достается, чем перепадает! Вчера из любопытства я через форточку залез в комиссионный магазин. Мне было ужасно любопытно, как пахнет докторская колбаса нового сорта.

Кот сделал паузу, чтобы передохнуть, а Кукла Вера вдруг почувствовала к нему необычайную симпатию.

– И как же она пахнет, Уважаемый Необычайно Пушистый Кот? – Спросила Она.

– Она, – философски заметил Кот и заурчал, – пахнет любительской колбасой.

– И вы ее попробовали? – Спросила Кукла.

– Если бы! – Ответил Кот. – Магазин закрыли на учет, а всех посетителей попросили выйти вон.

– И вас тоже? – Спросила Кукла.

– Меня – в первую очередь, – ответил Кот. – Раньше, когда я был котенком, я ждал от жизни скорее потрясений, чем приключений, и очень расстраивался тому, что их не было.

– А теперь? – Спросила Кукла Вера.

– Теперь, – вздохнул Кот, – я этому скорее рад, чем нет.

– Почему? – Спросила Кукла Вера.

– Потому, что их хватает, – ответил Кот.

– Скажите, – спросила Кукла Вера, – а тепло ли вам в вашей пушистой шерстке в такой ветер? И – есть ли у вас дом?

– И опять, – сказал Кот, – я вам отвечу скорее “да”, чем “нет”. Здесь, в Городе, много всяких домов, но если у дома есть подвал или крыша, то он – мой.

– Никогда и никому не говорите, что у вас нет дома, – предупредил Кот. – Здесь, в Городе, так не принято. Когда вас в следующий раз спросят, есть ли у вас дом, отвечайте скорее “да”, чем “нет”, и что вы как раз идете к себе домой.

– Хорошо, – ответила Кукла Вера. – Я теперь буду говорить, что у меня есть дом, хотя это не так.

– Вы – наивны, – сказал Кот. – И это скорее положительно, чем отрицательно. Но если бы меня сейчас спросили, хорошо ли я к вам отношусь, я скорее бы ответил “да”, чем “нет”. И – чтобы вам было уютнее, чем здесь, я мог бы вас, пожалуй, пригласить ко мне на крышу.

– А это очень высоко? – Спросила Кукла Вера.

– Двенадцатый этаж, – ответил Кот.

– Двенадцатый! – Испугалась Кукла Вера.

– Ну тогда, если вы боитесь высоты, я мог бы пригласить вас ко мне в подвал.

– А это очень низко? – Спросила Кукла Вера.

– Нет... – Ответил Кот. – Не совсем, – поправился Кот. – Потому что ниже подвала находится вода.

– Этот ветер и эта ночь... Вы ведь не хотите мне плохого? – Сказала Кукла Вера Коту.

– Скорее бы я ответил “нет”, чем “да”, – сказал Кот и взял ее в зубы.

(Продолжение в следующем номере)

Рисунки Александра Гуревича

Док. Н.Резниг

Прогулки до половины девятого

(Продолжение)

17

- Придется повременить с прогулками, - сказал Директор.
- Недолго? - С надеждой спросил Ноах. - Дня два?
- Дня три, - уточнил отец, зачем-то посмотрев на часы. - Здоровье дороже. Нет ничего дороже здоровья ни для человека, ни для зверя.
- Так мама говорит, да?
- И я с ней абсолютно согласен. В детстве я болел скарлатиной, и если бы не вылежал в постели две недели...
- То мы бы все, то мы бы все, давно осиротели, - продолжил Ноах в рифму.
- А так как я, а так как я послушный был ребенок, - подхватил Директор, - то вот сейчас, мои друзья, я бодр, силен и... и...
- ... Душевно тонок, - подсказал Ноах. - Ох, папа, хорошо, что опасность миновала. А три дня провести в постели не так уж плохо, даже для панды, правда?
- Мечтают все, едва из колыбели, блаженный отдых обрести в постели, - согласился Директор. - Девчонки, и мальчишки, и старушки, директора и птицы, и зверюшки.
Внезапный вопль, донесшийся из-за двери, прервал этот семейный поэтический турнир. Мазаль-Интифада ворвалась в комнату, растопырив перед собой руки и дико вытаращив глаза. Ее большую соломенную шляпу для выходов в город венчал размахивающий крыльями и раскрывший великолепный хохол, какаду Кабрамарра.
- Близится, близится Судный день! - Вопила Мазаль. - Из мира мертвых уже доносятся голоса, Босс!
- И что же они вам говорят, тетушка Мазаль? - Хихикнул Ноах.
- Кар-манн! Дер-ржи кар-рман шир-ре! - Крикнул злобредный попугай в самое ухо старой поварихе.
- А-а-а-а! - Завопила та снова. - Вот они опять, - ее голос внезапно упал до гробового шепота. - Опять! Сперва мне будто что в голову ударило... а потом глас воззвал... близок мой час... словно ангел Господень крыльями хлопает...
- Вы только не волнуйтесь, - сказал Директор, стараясь вести себя как можно тактичнее. - Но это, видите ли, просто какаду. Разрешите, я его с вас сниму. Он, кажется, запутался в искусственных цветах. Вы разрешите купить вам новую шляпу, потому что, видите ли... эту... он тут немножко...
Мазаль медленно повернулась и, не говоря ни слова, вышла из комнаты, держась за стенку. Она бесшумно закрыла за собой дверь. Потом снова раскрыла ее и пронзительно посмотрела на директора снизу вверх.
- Расчет, - почти шепотом произнесла она, выставив палец вперед. - Компенсацию. Адвоката. Санаторий. Кладбище. Геенну огненную.
И снова вышла за дверь.
Отец и сын застыли в растерянности, а ехидная птица, шагая взад-вперед по письменному столу, громко каркнула по-вороньи и издевательским голосом произнесла:
- Какой концер-рт!

18

Днем приехала мама. У нее был встревоженный вид, и она все время выясняла, что они ели и не чувствует ли Ноах недомогания.
- Мне там без вас никакой отдых впрок не шел, - заявила она. - Теперь буду умнее. А творог регулярно ели?
- Мам, мам, а как море? - Приставал Ноах.
- Плещется. Спать вовремя ложился? А что это у вас тут беспорядок такой? Опять звери в доме?
- Мам, пойдем в мою комнату, я тебе покажу Ши-Ю.
- Интересно. Все газеты о ней писали - такая, мол, очаровательная. Наверно и правда она такая необыкновенная. А то я смотрю, ты вдруг животных полюбил.

PERUTZ PR 100

31A

31

- Я всегда их любил, всегда! - Возмутился Ноах.

- Ну ладно, ладно... а что это с ней случилось, почему она здесь?

- У нее живот болел.

- Ах ты, моя бедненькая! - Мама погладила Ши-Ю и потрогала ее нос. Ши-Ю стало щекотно, и она чихнула.

- Нос не пересохший, - важно сообщила мама. - Но почему она чихает? Она еще раз внимательно оглядела панду.

- Ну просто прелесть, - заключила она. - Надеюсь, она не простужена. Глазки такие умненькие словно все понимают. Только что говорить не умеет.

Когда Ноах снова остался один с Ши-Ю, он наклонился к самому ее уху и спросил:

- Ты почему чихаешь? У тебя простуда?

- Ой, не говори мне об этом, - ответила Ши-Ю басом. - Я боюсь. Я страшно, страшно охрипла.

- Что с тобой? - пришел в ужас Ноах.

- Я охрипла как даос Сюй Цзиньян, вознесшийся на небо,¹ - заявила Ши-Ю. - Но думаю, что летательный исход исключен. Дай-ка я кашляну разок...

- Ну вот, - радостно сообщила она своим нормальным голосом. - Все прошло. Просто я долго-долго летала молча, и, чтобы не скучать бубнила и бубнила с закрытым ртом. А что мы теперь будем де..?

- Нам разрешили играть только во что-нибудь спокойное, чтобы не навинчиваться, - сказал Ноах.

- Тогда давай играть в уподобления. Это очень интересно. Например: всякое сморщенное лицо уподоблю сушеной груше. Или, еще лучше, в определения. Отвечай, что такое яблочный пирог?

- Ну... это такая еда, - растерянно ответил Ноах.

- Да нет, ты ничего не понял, - махнула лапой Ши-Ю. - Ты должен разбудить свое воображение, сделать истинным невидимое. По-моему, яблочный пирог - это мечта поэта, сладкая и жутко опасная. А что такое, по-твоему, ночь?

- Это... это... синий абажур для луны, - придумал Ноах.

- А что такое луна?

- Э, так нечестно, - возмутился Ноах. - Теперь я спрашиваю. Что такое луна и месяц?

- Луна - это лужица, которую наплакало Солнце, когда не хотело рано ложиться спать. А месяц - это просто ухо ночи. А ты скажи, что такое трава?

- Джунгли муравьев, понятное дело! - немедленно выпалил Ноах. - А ты скажи, что такое лестница?

- Лестница - это цепочка окаменевших шагов. А Земля?

- Земля - это... подушка для неба. А что такое... минута?

- Минута - это пылинки вечности. А кровать?

- Корабль для ночных путешествий. А песок?

- Семена горы. А листья?

- Ладони деревьев для предсказания будущего. А будущее?

- Сон, который снился так давно, что мы его забыли.

- Слушай, как здорово у нас получается! - Восхитился Ноах.

- Я же говорила, что это очень хорошая игра. В нее играют много тысячелетий. И когда мы так вот бросаем друг другу слова, между нами вырастает совершенно никому неизвестный мир, - сказала Ши-Ю.

- Опять ты заговорила какими-то иероглифами! - Рассмеялся Ноах. - Ну что за существо! Лучше скажи, кто такая, по-твоему, Ши-Ю?

- Я бы тебе сказа..., - задумчиво ответила панда. - Но это не по правилам. Ведь теперь моя очередь спрашивать.

1. Один из персонажей китайской мифологии. Почему он охрип, взлетев в небеса, не совсем понятно. С другой стороны, попробуйте полетать, а потом уже спрашивайте.

Мама заглянула в комнату и торжественно объявила:

- Нохи! Ровно через пять минут - обед. Подготовься морально и физически.

- Вот здорово! - Обрадовался Ноах. - Снова человеческий обед. Я уже отвык, пока тебя не было.

- Все, все, конец страданиям, - рассмеялась мама. - Не скоро я теперь от вас уеду.

- А что ты приготовила? - Не отставал Ноах.

- На закуску - несколько салатов. На первое у нас - томатный суп. На второе...

- Утка! - Донесся до них душераздирающий крик. - Утка!

Отец влетел в комнату Ноаха с выражением отчаянного страдания на лице.

- Да нет, милый, ты не угадал, - ласково сказала мама. - Курица. А почему ты так из-за этого расстроился?

- Не это... не то! Это то... это оно - утка! Все - утка!

- Папа, папа, что с тобой? - Испугался Ноах. - Что случилось? Какая-нибудь утка утонула? Каролинская?

- Да нет, - Директор капризно топнул ногой. - Левиафан - утка.

- Я сейчас принесу валерьянки, - сказала мама.

- Да вы просто ничего не понимаете, - возмутился отец. - Выяснилось, что Левиафан оказался газетной уткой.¹ Сегодня в шести газетах было опровержение, мне только что позвонил профессор Джевик из Лос-Анджелеса. Газетчики все выдумали от начала до конца.

Директор тяжело опустился на стул.

- После всего, что мы сделали. После всех факсов и телеграмм, после звонков всем этим министрам и губернаторам... - он горестно стукнул себя кулаками по коленям. - Полковнику Хоупу я просто не смогу взглянуть в глаза.

- Да брось ты, папка, - утешил его Ноах. - Только проблем меньше.

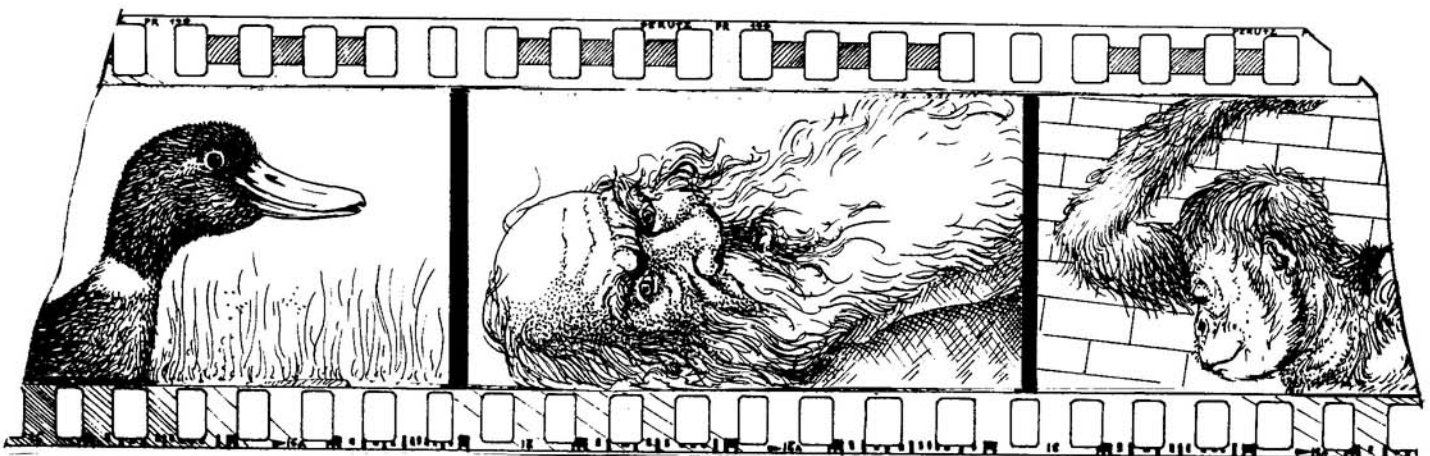
- Вот именно, - согласилась мама. - Что бы ты с ним делал? Искусственное море бы вырыл в пустыне? Пойдемте лучше обедать.

- Но ведь... - начал Директор и замолчал.

- В сущности, вы правы, - согласился он вставая. - Надо было соображать с самого начала. Нельзя же доверять всем этим горе-корреспондентам. Животных я вот совсем забросил.

Он подошел к Ши-Ю, сидевшей в детской кроватке и внимательно смотревшей на него своими блестящими чуть раскосыми глазами, погладил ее и строго сказал:

- А тебя за стол не возьмем. Вечером получишь свое молоко, а утром мы тебя выпишем из этого санатория.

За столом он в последний раз за этот день тяжело вздохнул, накладывая себе помидорного салата, и подумал, что надо немедленно попросить Илану составить самое церемонное письмо для полковника с извинениями и объяснениями.

А в это время в другом доме неподалеку, за столом тоже сидели трое. В центре стола на блюде покоилось коричневое тело некой птицы.

- Кушай, - сказала Изабелла Исааковна. Ешь. Это вкусно. Это необычно и питательно. Это - утка.

- Я, кажется, понял, - мрачно сказал Феликс. - Вы от меня не отстанете.

- Не хами, мой милый! - Потребовала мама. - Я очень старалась. Я купила эту утку за большие деньги, чтобы тебе было много пользы, и два часа возилась на кухне...

- Вместо того, стробы спросить сына, не стошнит ли его от всего этого! - Перебил ее малолетний сын. - Я раз и навсегда заявляю: я не могу есть животных!

- Но, голубчик, - изумилась мама, - утка - не животное!

- А что это, по-твоему, ягода вроде арбуза? - Ехидно спросил Доцент.

- Не хами, пожалуйста. Утка - это продукт.

- Этот продукт плавал, летал и кричал, - мрачно возразил Доцент.

Вениамин Матвеевич беспомощно развел руками.

- Конечно, Лев Толстой² тоже был вегетарианцем...

- Что значит "тоже", Веня? - строго спросила мама. - Мой сын не имеет права мучить и истощать себя. Ты только посмотри на него - это настоящий дохлик. Он никогда не вырастет, если не будет кушать, и навсегда останется таким головастиком. Нельзя же, чтобы все ушло в голову. Чехов сказал: "В человеке все должно быть прекрасно - и ноги, и руки, и... абсолютно все!"

- А я не буду человеком, - мрачно сказал Доцент.

- Что ты такое городишь, - возмутилась мама. - Кем же ты будешь?

- Еще не знаю. Может быть, носорогом. Может, лучше летучей мышью. Хотя это, конечно, нелегко.

- Нет, нет, - возмутилась мама. - Мой сын должен стать настоящим человеком.

- Ах, так, - очень тихо, так что его никто не услышал, сказал Доцент.

Он явно что-то задумал.

20

Ночью, чтобы не заснуть, Доцент стал играть сам с собой в города, прислушиваясь к звукам, плывущим по квартире. Он ждал, пока родители заснут.

- Биробиджан - Нахичевань, - шептал он. - Что это им все нейдет? Нарьян-Мар - Роттердам. Могадишо - Осака. Антверпен - Новокузнецк. Слава Богу, телевизор выключили. Кальяри - Исламабад. Димона - Афула.

Наконец наступила полная тишина.

- Пора, пора, трам-па-ра-ра, - пробубнил Доцент и тихонько, чтобы не скрипеть, вылез из постели, влез в шорты, напялил задом наперед футболку и, сделав страшную физиономию, приоткрыл дверь в коридор.

Тишина. Только кран в ванной капает.

- Спите-спите, - усмехнулся про себя Доцент. - Настоящий человек должен крепко спать, это укрепляет.

Сандалии он держал в левой руке. Правой повернул дверную ручку и осторожно, сантиметр за сантиметром, открыл входную дверь.

- Вперед, только вперед! - Прошептал он себе и стремглав бросился вниз по лестнице.

- Свобода, свобода, свобода, уй-ля-ля! - Запело у него внутри, когда он принялся скакать гигантскими прыжками по безлюдной улице.

Стояла безветренная летняя ночь. Половина фонарей в Тальпиоте не горела, потому что у начальника осветительного отдела Симы Гольдшмидта весь вечер крутило живот. Какая-то юная парочка, вскрикнув, шарахнулась от скачущего Доцента. Летучие мыши танцевали вокруг тутовых деревьев. Доцент махнул им рукой и продолжил свой ночной бег.

У ворот давно закрытого зоопарка он остановился.

- Ага, - громко сказал он, изо всех сил пнув ворота. - Так я и знал.

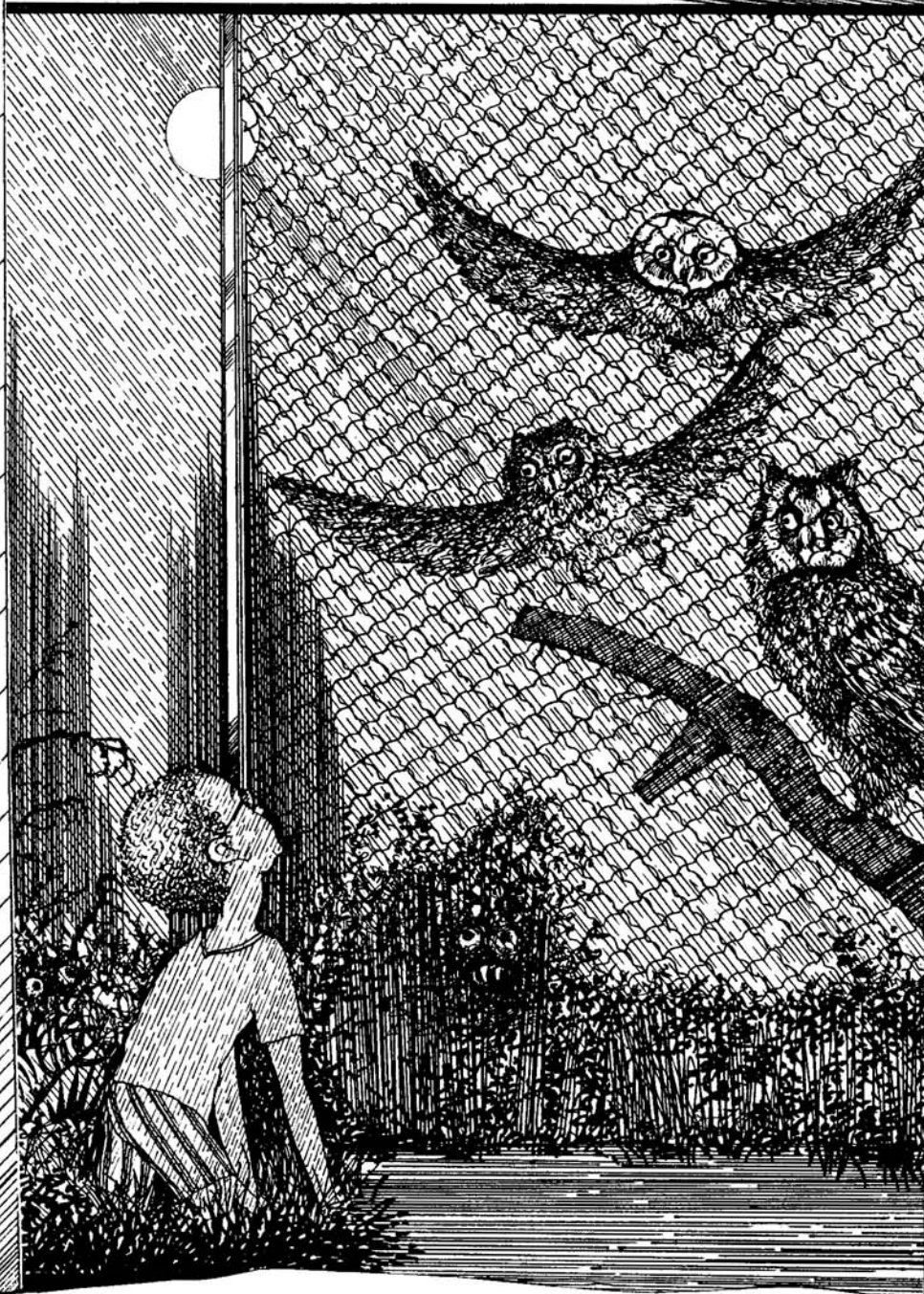
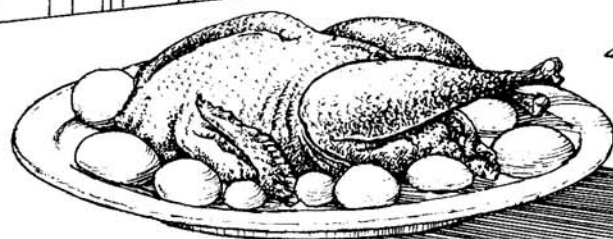
Он запрокинул голову и смерил взглядом высоту ограды.

- Так, - сказал он. - Высоко. Попробуем подлезть.

На этот раз ему повезло. Вывалявшись в пыли, он прополз под воротами и, оказавшись внутри, удовлетворенно захихикал.

- Bravo, Доцент! - Сказал он сам себе и бодро устремился вперед по главной аллее,

PERUTZ PR 100

30A

B

отряхиваясь на ходу.

Ночной зоопарк был переполнен звуками. Кто-то громко зевал в темноте, с разных сторон булькало, бурчало, почесывалось, топотало и постанывало.

- Дрожу, - сообщил сам себе Доцент. - Что-то прохладой потянуло. Ну, теперь, кажется, налево...

Но налево оказалось совсем не то, что он искал. Два огромных светящихся глаза глядели на него из темноты. Словно загипнотизированный, мальчик сделал еще два шага вперед, споткнулся обо что-то и громко завопил.

- Ау-ахх! - Отозвались круглые глаза и испуганно заморгали.

Доцент на четвереньках отполз в сторону и снова выбрался на главную аллею. Откуда-то из кустов доносилось паническое кудахтанье разбуженной птицы. Какая-то мелюзга жалобно заскулила, и коротко рыкнул лев.

Но это было только начало. Произведя несколько проб и, очевидно, найдя подходящий тембр, лев устроил настоящий концерт. Воздух задрожал от раскатов его баса.

- Нет, я не трус, я никогда не трус! - Дрожащим шепотом подбодрил себя Доцент. - Надо идти. Раз не налево, значит - направо. Песенку, что ли, спеть для храбрости.

И он нарочито бодрым голосом заверещал:

Капитан, капитан, оглянитесь!

Ведь акула к вам плывёт, тра-ля-ля!

Капитан, капитан, помолитесь!..

- Да что это такое мне в голову лезет! - Возмутился он.

Справа оказалось и вовсе что-то непонятное. За бревенчатой загородкой виднелись четыре неподвижные глыбы, и только сонное сопение выдавало в них живых существ. Рядом, в высоком вольере, бесшумно летали проспавшие весь день совы. Одна из них строго посмотрела на Доцента своими янтарными круглыми глазами.

- Ага, знаю! - Обрадовался он. - Совы слева, значит - прямо вперед, мимо неполнозубых,³ и - готово.

Наконец он нашел то, что искал, - клетку орангутанов. Животные спали на самой верхотуре, устроившись под навесом в развилке большого дерева.

- Перак! Блора! Слаунг! - Позвал Доцент. - Я вам фиников притащил. Тьфу, весь карман залепили!

Папаша Перак сонно буркнул и высунулся из-под навеса.

- Сейчас, - бормотал Феликс, возясь с запором клетки. - Два направо и вниз. Готово! Разрешите войти?

Теперь проснулись все трое. Орангутаны явно не понимали, что происходит. Перак, вытянув длинную волосатую руку, взял липкий комоч фиников и отправил его в рот.

- Я пришел к вам жить, - радостно сообщил Доцент. - Жить и превращаться в обезьяну. Помогите, что ли, залезть на дерево.

Все тем же движением одной руки Перак подцепил мальчика за футболку и поднял его наверх.

- Значит, излагаю! - Объявил Доцент. - Я ушел из дома. Достали меня. Теперь буду жить здесь, с вами, пока не превращусь в обезьяну.

Орангутаны от смеха чуть не свалились с дерева.

- Я только спать не очень-то хочу, - пожаловался Феликс, сворачиваясь калачиком в укрепленной на ветке наподобие гнезда большой автомобильной шине. - Расскажу вам колыбельную историю. В энциклопедии прочел. Значит, слушайте: остров Ява входит в архипелаг Больших Зондских островов и омывается Индийским океаном. Его площадь - сто двадцать шесть тысяч пятьсот квадратных километров. Слушаете? Входит в состав Индонезийской республики. Крупнейшие города: Джакарта, Бандунг, Сурабая, Меленг, Джокьякарта. Мм... Животный мир острова богат и разнообразен...

1. Почему выдуманные истории в газетах называются утками, никто не знает. Может быть, потому, что читатели, узнав правду, иногда кричат.

2. Лев Николаевич Толстой - великий русский писатель и граф. К сожалению, никакого отношения к африканскому льву (Panthera leo) не имеет.

3. Неполнозубые (Edentata) - отряд млекопитающих, живущих в Южной Америке. В него входят ленивцы, броненосцы и муравьеды. Зубы у них действительно недоразвитые, зато с когтями все в порядке.

(Окончание следует)

В З Р О С Л Ы М Н А Б О Л Е В Ш Е М

Маня Король, 3 года

- Надо лечить температурку.
- Нет, нету температуры, только уши-дураки болят!

Илюша Ротенберг, 2,5 года

- Я упал, у меня болит рука.
- Ничего, пройдет.
- Ничего, проедет.

Шуламит Таль, 4,5 года

- Мама, это не лекарство, это – брыкарство.

Дана Гликман, 5 лет

- Мама, мне надо срочно к зубному врачу – у меня тумбочка выпала.
- Не тумбочка, а пломбочка.
- Какая разница, все равно дырка.

- Девочка, солнышко, открой ротик.

Дана (сжимая зубы):

- Опасно.
- Почему?
- Я – волк. Укусю.

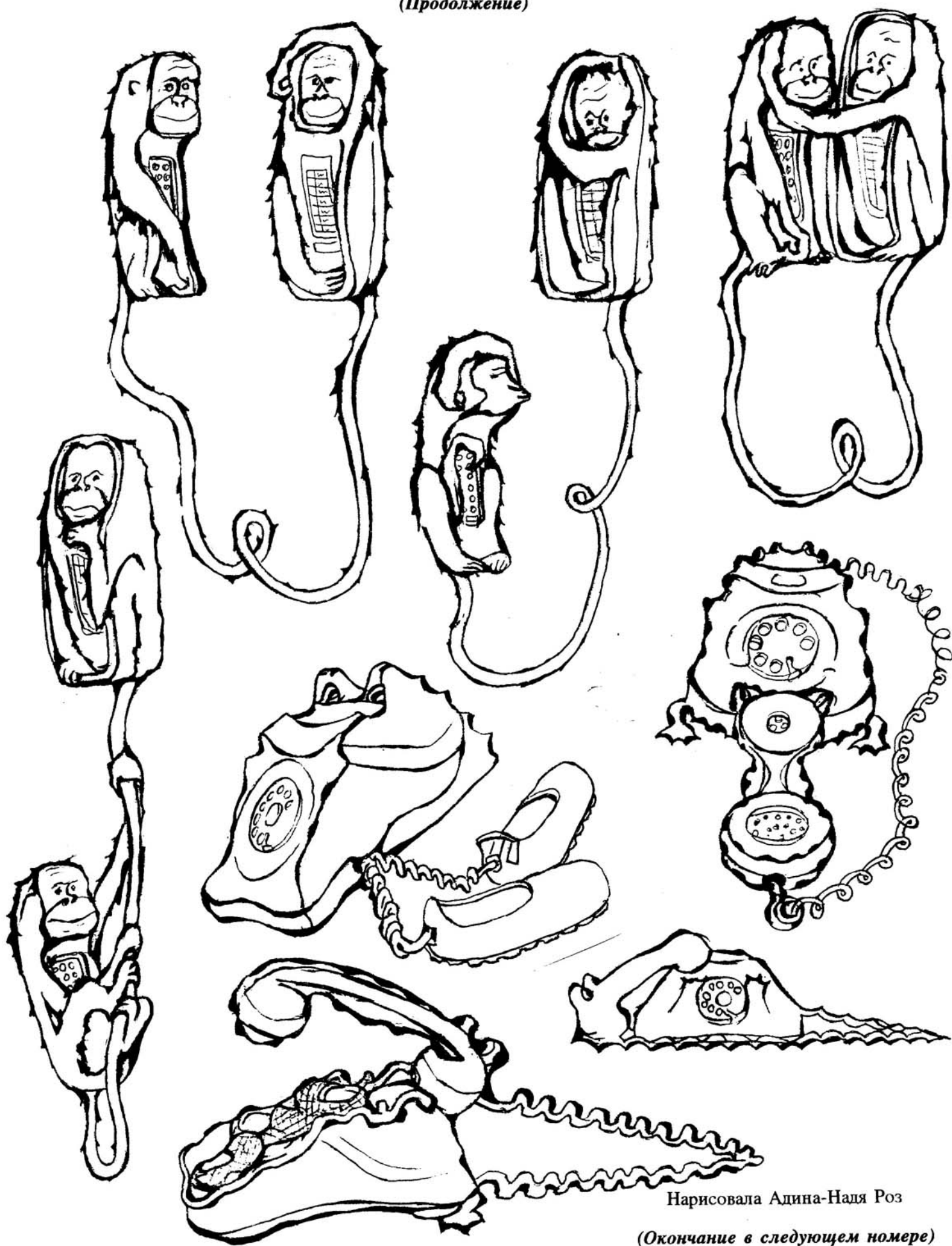
Ася Трофимова, 6 лет

- Мама, у меня голова болит.
- А-а? Может, ты просто хочешь посмотреть телевизор?
- Да! (Сияет).

Заставка Мани Король

РАССКАЖИ СКАЗКУ

(Продолжение)

Нарисовала Адина-Надя Роз

(Окончание в следующем номере)